

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Мышеловка для кошки

Приключения баронессы Корф

Валерия Вербинина

Мышеловка для кошки

«Автор»

2010

Вербинина В.

Мышеловка для кошки / В. Вербинина — «Автор», 2010

ISBN 978-5-699-40441-4

«Однажды весенним вечером в начале 1890-х годов некий молодой человек вышел из особняка на Елисейских Полях и направился в сторону Сены. Окажись поблизости какой-нибудь наблюдательный гражданин из числа тех, которым всегда есть дело до своих ближних, он не преминул бы отметить странную, развинченную походку юноши и страдание, искажавшее его приятное лицо. Кроме того, мимо внимания безвестного наблюдателя не прошло бы, что при молодом человеке нет ни шляпы, ни перчаток, ни трости, хотя его костюм почти удовлетворял требованиям моды...»

ISBN 978-5-699-40441-4

© Вербинина В., 2010
© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валерия Вербинина

Мышеловка для кошки

Глава 1

Отчаяние и железный ужас

Однажды весенним вечером в начале 1890-х годов некий молодой человек вышел из особняка на Елисейских Полях и направился в сторону Сены. Окажись поблизости какой-нибудь наблюдательный гражданин из числа тех, которым всегда есть дело до своих близких, он не преминул бы отметить странную, развинченную походку юноши и страдание, искажавшее его приятное лицо. Кроме того, мимо внимания безвестного наблюдателя не прошло бы, что при молодом человеке нет ни шляпы, ни перчаток, ни трости, хотя его костюм почти удовлетворял требованиям моды (правда, прошлогодней). Но Веничка Корзухин трость вообще не носил, а шляпу вместе с перчатками он благополучно забыл в передней того самого особняка, откуда вышел пять минут назад. Особняк был известен парижанам тем, что его снимала богатая русская, госпожа Светлицкая, которая и жила там вместе с дюжиной кошек, десятком слуг и одной-единственной внучкой Лизой. Собственно, именно последняя и была причиной того, почему Веничка покинул особняк с таким лицом и почему сейчас он двигался к реке, хотя его гостиница располагалась совершенно в другом направлении. Дело в том, что Веничка шел к Сене с вполне определенной целью: утопиться.

Его разбитое сердце вместе со шляпой и перчатками осталось в том же постылом особняке, и Веничка не видел никакого иного выхода из сложившейся ситуации. С того самого мгновения, как Лизонька, опустив ресницы, сказала, что надеется на его дружбу, он понял: все кончено, а раз все кончено, незачем больше жить. Лизонька еще говорила о каком-то вечере, о том, как она будет рада его там встретить, щебетала об Андре, у которого такие выразительные черные глаза, а Веничка смотрел на нее и думал, что видит ее в последний раз и что так и надо: она будет счастлива, а он... он просто уйдет и не станет ей мешать. Видеть ее с этим Андре, который, конечно, оказался обычным русским Андреем, было бы невыносимо. Лизонька же, словно не понимая, как ему тяжело, все говорила и говорила о том, какой Андрей Иванович замечательный и как ей совестно, что она не отвечала на письма Венички. Просто ей трудно было подобрать слова, чтобы объяснить ему, что происходит, но она уверена, Веничка на нее не сердится. Ведь не сердится же? И Веничка вяло кивнул – он всегда был слишком добр для того, чтобы рассердиться по-настоящему. Все предельно просто – он оказался недостоин такой чудесной девушки, как Лизонька. Однако без нее он не мыслил себе жизни – совсем.

Веничка обогнал карету, которая медленно двигалась вдоль тротуара, и в нерешительности стал озираться. Он впервые находился в Париже – где оказался потому лишь, что Лизонька не отвечала на его письма. У нее были слабые легкие, и врачи послали ее на юг Франции, где она прожила полгода, а потом вместе с бабушкой перебралась в столицу. Не имея вестей от девушки, Веничка встревожился, стал рисовать себе всякие ужасы и в конце концов, спешно собрав вещи, поехал к ней. Тетушка Марфа Егоровна, которая с детства воспитывала его, была против того, чтобы он ехал «к этой вертихвостке», но кроткий Веничка впервые в жизни оказался непреклонен. И вот он прибыл сюда – лишь для того, чтобы узнать, что Лизонька совершенно выздоровела и забыла о нем ради какого-то инженера с черными глазами, откликавшегося на имя Андрей Иванович. Лизонька уверяла, что у Андрея Ивановича бархатный голос, обворожительные манеры и несколько тысяч годового дохода, доставшихся ему от богатого родственника. Веничка слушал ее и страдал, отчего у него самого нет бархатного голоса и

обворожительных манер. По доходам, впрочем, он тоже никак не мог тягаться с ненавистным соперником, но непрактичный Веничка меньше всего в жизни думал о деньгах.

«Умру, – обреченно решил он. – Брошусь с моста, и все. Ни к чему мне мешать ее счастью».

И он направился прямиком к реке. Но недалеко от Лоншанской улицы попал в толчею и едва не сбился с пути. Потоптавшись на месте, Веничка заприметил впереди уродливую железную раскоряку и сообразил, что надо идти именно в ту сторону, чтобы добраться до реки. Все парижане единодушно презирали раскоряку, это кошмарное творение больного сознания, и все в один голос клеймили инженера Эйфеля, обезобразившего их уютную столицу своим металлическим монстром. Писатели, поэты, общественные деятели, включая Мопассана и Дюма-сына, писали протест за протестом, журналисты намекали на мировой заговор, имевший целью опорочить и опозорить милый их сердцу Париж, а обыватели попросту ругали автора башни на чем свет стоит. Впрочем, в последнее время страсти несколько поутихли – пошли слухи, что за те несколько лет, что железная раскоряка стояла на Марсовом поле, ее основательно подточила ржавчина, а стало быть, ненавистного монстра скоро снесут. Пока, судя по всему, Эйфелева башня доживала свои последние дни, и с тяжким вздохом Веничка направил стопы в ее сторону.

Зеленая, как абсент, Сена таяла в сиреневых сумерках, когда Веничка наконец оказался на Иенском мосту. Однако разочарованному влюбленному не удалось исполнить свое намерение, потому что через мост катил поток экипажей, и туда-сюда фланировали толпы гуляющих, которые смеялись, перебрасывались фривольными шутками и вообще вовсю радовались жизни. Атмосфера для самоубийства выдалась, прямо скажем, не самая подходящая. К тому же Веничке показалось обидным умирать на фоне железной раскоряки, ставшей притчей во языцах, и он решил подыскать себе более пристойное местечко. Отвернувшись от долговязой башни, которая нависала над ним, словно глумясь над его несчастьем, он двинулся вдоль набережной. Ветер, доносившийся с реки, ерошил его светлые волосы, и молодой человек пригласил их машинальным жестом.

На мосту Альма движение было гораздо спокойнее, и Веничка уже стал примеряться к перилам, но тут некстати вспомнил, что мост выстроен в честь победы над русскими войсками в Крымской войне. Было бы, прямо скажем, непатриотично русскому дворянину бросаться с моста, который напоминал о позоре наших войск, и поэтому Веничка зашагал дальше. В конце концов, уж чего-чего, а мостов в Париже более чем достаточно.

Следующий мост – мост Инвалидов – вполне подошел бы Веничке, не маячить на нем фигура полицейского, который обернулся и смерил нашего героя цепким и (как показалось юноше) чрезвычайно проницательным взглядом. Взгляд этот словно говорил: «Ага! Знаем, знаем, чего ты ищешь! Только попробуй сигануть отсюда, ужо я достану тебя из воды и потащу в участок, а там – протокол, огласка, международный скандал и сплетни в газетах, которые точно дойдут до твоей тетки. Ух, и задаст же она тебе трепку!»

Облившись холодным потом, Веничка ускорил шаг и вскоре оказался возле моста Согласия¹. Но интенсивное движение и тут не оставляло ему ни малейшего шанса тихо-мирно утупиться, не привлекая внимания. Пришло скрепя сердце искать другой мост.

Чугунный мост Сольферино² понравился Веничке куда больше. Здесь в этот час было гораздо меньше экипажей, и в поле зрения не виднелось ни одного полицейского. Юноша подошел к перилам, но, увы, они были слишком мощные и широкие, чтобы их можно было пере-

---

¹ Читатели, знакомые с топографией Парижа, могут удивиться, почему автор пропустил мост Александра III, имеющий самое прямое отношение к России. Все просто – во время действия рассказа мост еще не существовал (здесь и далее примеч. авт.).

² Мост, о котором здесь говорится, был позже разрушен и заменен пешеходным мостом с тем же именем.

скочить одним махом. Как ни желал Веничка как можно скорее покончить с собой, ему поневоле приходилось считаться с обстоятельствами.

«Как-нибудь перебраться за перила и прыгнуть вниз... – размышлял он, ксясь на зеленую Сену, которая лениво ползла под мостом. – А может быть, перила где-нибудь будут потоныше?»

И он двинулся вдоль моста. В самом деле, посередине его с одной стороны перила оказались тоныше, но вот беда – там уже стоял какой-то молодой человек и, судя по его виду, в ближайшее время не собирался никуда уходить. Веничка похолодел.

«И этот тоже!» – неприязненно помыслил он, ксясь на невесть откуда взявшегося конкурента.

Однако незнакомец, казалось, вовсе не помышлял о том, чтобы свести счеты с жизнью. Напротив, он грезил о чем-то, и, судя по всему, его мечты были чрезвычайно приятны, потому что легкая улыбка то и дело пробегала по его губам. На всякий случай Веничка посмотрел туда, куда был устремлен взор неизвестного, но не увидел там ничего, кроме медленно темнеющего неба и облаков.

– Не правда ли, это чудесно? – внезапно спросил незнакомец, указывая на облака. – И это тоже, – добавил он, указывая на отражение облаков в воде.

Веничка пробормотал что-то неразборчивое и поспешил удалиться. Ему было ясно, что незнакомец – сумасшедший, если стоит на мосту столько времени, чтобы глязеть на облака.

Будь Веничка честолюбив, он бы не преминул когда-нибудь вставить в свои мемуары главу «Как месье Клод Дебюсси³ задумал написать ноктюрн «Облака». Будь Веничка очень честолюбив, глава сия называлась бы так: «Как я подал моему другу Клоду Дебюсси идею написать ноктюрн «Облака». Но именно честолюбие было качеством, которое у Венички отсутствовало напрочь, и он удалился с моста, так никогда и не узнав, с кем именно разговаривал.

Он дошел до Королевского моста, что недалеко от Лувра, и в нерешительности остановился. Тут на въезде в мост стоял уже не один полицейский, а двое, и оба (как показалось Веничке) довольно злобно уставились на него. Решив не искушать судьбу, молодой человек побрел дальше, но на следующем мосту история повторилась, и Веничка решил, что ему надо удалиться от центра города, чтобы привести свое намерение в исполнение.

Он миновал заодно и металлический мост Искусств, приведший его в трепет некоторым сходством с Эйфелевой башней, и оказался возле Нового моста, который, как известно каждому, на самом деле самый старый в Париже. Возле моста стояла черная статуя короля Генриха верхом на черном же коне. На ногах короля были шпоры, на боку висела шпага, рукой он придерживал уздечку. На плече Генриха сидел маленький парижский голубь – настоящий гаврош среди голубей, сорванец с почти вчистую оборваным хвостом. Он шевельнулся, устраиваясь поудобнее, покосился на редких пешеходов, которые пересекали мост, и заметил юношу без шляпы, который появился со стороны Луврской набережной. Голубь очень внимательно следил за тем, как тот, пугливо озираясь по сторонам, забрался на мост.

Убедившись, что никто вроде бы не обращает на него внимания, Веничка оперся о парапет и попытался принять вид обычного прохожего, которому для чего-то понадобилось остановиться на Новом мосту именно в этом месте именно в это время. Про себя, впрочем, он уже прикидывал последовательность своих действий. «Перепрыгнуть не получится – значит, надо подождать, когда пройдут те двое господ, вскочить на парапет и броситься вниз». С некоторой гордостью Веничка отметил, что его сердце бьется ровно, как обычно, хотя сам он, несмотря на не самый жаркий вечер, весь вспотел.

---

³ Клод Дебюсси – выдающийся французский композитор. Он действительно задумал написать ноктюрн «Облака», стоя однажды вечером на мосту Сольферино.

В следующее мгновение его сердце сделало настоящий кульбит, потому что бронзовый конь встряхнул головой, переступил на месте и недовольно заржал. Король Генрих поднял руку, пригладил усы, повернул голову и милостиво улыбнулся.

– Так что, сударь, – спросил он, – вы наконец будете прыгать или нет?

Глава 2

Государственные тайны

Для того чтобы объяснить столь странное поведение бронзового всадника, нам потребуется вернуться немного назад, а именно – к карете, которую незадачливый Веничка обогнал на своем пути к Иенскому мосту.

Эта же карета по случайному стечению обстоятельств проезжала по Елисейским Полям незадолго до того, как Веничка с непокрытой головой выскоцил из особняка госпожи Светлицкой. Внутри кареты сидела очаровательная молодая дама в платье цвета зеленоватого аквамарина, который оттенял блеск ее карих глаз. На Иенской улице карета приостановилась возле тротуара, и в нее как-то очень быстро – нет, даже не сел, а ввинтился господин средних лет и внешности на первый взгляд столь неприметной, что сам великий криминалист месье Бертильон пришел бы в отчаяние, пытаясь найти хоть какую-нибудь отличительную черту для описания этого индивидуума.

Когда в карете господин снял цилиндр, оказалось, что у него темные волосы с проседью, причем седина сильнее всего проступает на висках. Под глазами у него были морщины, которые становились резче, когда он смеялся, что случалось, надо сказать, довольно редко. Вблизи было видно, что у седоватого господина очень умное лицо и иронические, скажем даже – лукавые глаза с прищуром, которые, однако же, заметно теплели, если он позволял себе улыбнуться или был чем-то тронут. Чтобы завершить портрет, скажем еще, что друзья и враги господина знали его под именем Осетров, а некоторые друзья (равно как и некоторые враги) знали также, что он является резидентом российской разведки во Франции.

Что же до дамы, ожидавшей его в карете, то ее все знали под именем баронессы Амалии Корф. О ней было известно, что после замужества она могла позволить себе жить совершенно беззаботно, но вместо того предпочла развод. По всем законам бульварного романа общество должно было от нее отвернуться, но не посмело, потому что баронесса была вхожа в очень высокие круги и даже – в императорскую семью. Шепотом, однако же, о ней говорили, что она авантюристка, ведет неподобающий образ жизни и что у нее странные родственники и еще более странные знакомые. Громко жалели ее мужа, вполголоса – удивлялись, отчего она от года к году выглядит все лучше и лучше, и поневоле приходили к мысли, что баронесса плохо кончит. Только несколько человек, кое тоже, подобно Амалии, были вхожи в очень высокие круги, имели представление об услугах, оказанных ею отечеству, и о роли, которую молодая женщина сыграла в неких событиях, имеющих значение для истории. Несколько лет назад из-за досадной размолвки с начальством⁴

---

⁴ Об этом можно прочитать в романе «На службе его величества». Издательство «Эксмо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.